

УДК 615.851

doi: 10.20310/1810-231X-2016-15-2-15-25

НОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ РАЗВЕРТЫВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Уваров Евгений Алексеевич

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
Россия, г. Тамбов, e-mail: uvarovea@yandex.ru

В контексте разворачивания современной жизненной реальности автор обосновывает появление на исторической авансцене «новой личности», для которой характерно отсутствие жизненной цели, нарушение идентичности, девальвация ценностной основы. То есть, всего того, что присуще дезорганизации бытия и неукорененности в нем человека. В статье приводятся экспериментальные данные научных положений по поиску стратегий разрешения жизненного кризиса личности. Автор предположил, что деструктивные личностные проявления во многом связаны со стратегиями, которым следуют в жизни респонденты. При этом акцентируется внимание на высших личностных проявлениях, к которым отнесены смысловые структуры, способность прогнозировать жизненный путь, получать удовлетворение от проживания в настоящем и выстраивания перспективы будущего. В качестве психологического маркера жизнеспособности и сопряженной с нею психологической устойчивости индивида выступила способность оценивать свое доминирующее психическое состояние.

Ключевые слова: жизненная усталость, невроз нового времени, отчуждение от себя, одиночество, призыв к себе, мужество быть, самоутверждение, реальное «Я», плоский человек

*Я буду отступать, разрушенный собою,
Кто есть и кем бы мог я быть – во мне нас двое.
В конце концов один другого уничтожит.
Подобен скакуну горячему «Быть-может»,
К хвосту которого привязано «Я-есть»,
Распятое – ни встать, ни лечь, ни сеть,
Быть-может – как вампир, что в темноте грядет.
Он сердце оседлал. И пьет, и пьет, и пьет.*

Кристиан Моргенштерн (поэма «Боль развития»)

Невозможно не согласиться с В. Франклом, когда родоначальник логотерапии и основатель понятия «экзистенциальный вакуум» утверждал, что каждому времени свойственен свой невроз [1]. Задаваясь вопросом осмысления причины современных социальных девиаций, приходишь к выводу не только о наличии, но и всеобщности проявления и глубине психологической травмы, поразившей общество и отдельно взятого человека. Следует признать, что в настоящем мы являемся участниками разворачивания новой жизненной реальности, которая по пессимистичным представлениям приближает нас к социальному тупику и, даже, по ряду мнений, цивилизационному небытию. Вполне вероятно, что человечество находится в точке бифуркации, с абсолютно непредсказуемой траекторией дальнейшего развития:

одна может вести к новому Ренессансу человечества, с глубинными духовно-нравственными изменениями, другая, к деструкции и его полному «оскотинивливанью» [2].

Горизонт будущего к современному человеку приблизился столь близко, что запустил механизмы базальной тревоги и страха с ощущением «небытия» (по Р. Мэю) или состояния «ничто» (по М. Хайдеггеру). В целом это вызвало формирование негативных представлений о жизненном пространстве, угнетающе действуя на общество, приводя его представителей к состоянию глубинной экзистенциальной травмы [3].

В современном социальном пространстве все отчетливее начинает проявляться образ симулятивного мира, который своими установками или, более категорично, своей «нежизненностью» создает псевдочеловека, изменяя его ценностную и смысловую заданность, другими словами, высшую сущность человека; о чем автор неоднократно писал в своих работах [4; 5]. Все последнее столетие человек ощущает угрозу своему существованию, и, к сожалению, на пороге нынешнего века, ощущение опасности усиливается.

Свидетельством нестабильности человечества является постоянно пополняющаяся нозо-

логическая группа социальных и психологических девиаций, жизненная усталость среди которых занимает особое место. Это обстоятельство актуализирует вопрос научного изучения перспективы развития человечества в целом, и, в частности, нацеливает на исследование особенностей жизненного пространства человека и выстраивание им благоприятной перспективы будущего.

Жизненная усталость как коллективный синдром современного общества, принадлежит к области глубоких социальных аномалий и свидетельствует, по мнению Ж. Бодрийера, о появлении «нового зла века». По существу, жизненная усталость является следствием глубокой цивилизационной травмы, ставшей ответом на слом исторических эпох, о чем, опять же, мы неоднократно писали в своих работах. В европейской цивилизации, после экспансивного распространения ее модели по всему миру, начинают наблюдаться процессы, напоминающие импловивный взрыв, то есть движение вовнутрь; своего рода, схлопывание. В настоящее время мы находимся, по всей видимости, в эпицентре такого рода исторического и социального сжатия.

Жизненная усталость в совокупности приводит к многочисленным социальным и психологическим девиациям, а в целом, к жизненному кризису человечества. Можно заключить, что усталость ведет борьбу против себя самой в виде скрытого протеста в форме бессознательной активности. При этом нужно признать, что такого рода «пассивный отказ» от жизни фактически является скрытым насилием над собой и представляется одним из возможных ответов на социальный вызов. Другими словами, усталость не ведет к аномии в традиционном ее понимании и не является противовесом внешней гиперактивности. Она выступает единственной формой активности, противостоящей существующей социальной модели, которая принуждает человека к отчуждению от современной реальности, то есть от самого себя, от своего реального «Я».

Жизненная усталость как психологический феномен отличается дефинитивной и смысловой многозначностью. Поэтому вопрос осмысления данного явления весьма сложен и нуждается в своей дальнейшей проработке, не исключая категоризацию самого термина. С большей долей определенности можно сказать, что многочисленные проявления жизненной усталости могут быть объединены в один

кластер, обозначаемый как отказ от авторства собственной жизни; другими словами, отчуждение от себя, своего реального «Я» и самоутверждения в жизненном пространстве.

Жизненная усталость является всеобщим состоянием индивида, находящегося в непредсказуемом, неустойчивом и хаотичном жизненном пространстве. Жизненное пространство, по нашим представлениям, являет собой реальность бытия, которая является производным результата самоутверждения человека, «призыва человека к себе» (по Э. Фромму) в процессе выстраивания собственного жизненного пути [4; 5].

Причина возникновения жизненной усталости во многом определена пронизанностью жизненного пространства огромным количеством спонтанно возникающих и беспричинно исчезающих связей, явлений, событий, что связано с хаотичностью происходящих социальных процессов. Поэтому на фоне социальных флуктуаций категоризировать вновь возникающие социальные и личностные девиации представляется весьма проблематичным, поскольку жизненные перипетии намного опережают научные модели, способные их описать.

Исходя из этого, природу жизненной усталости определить достаточно сложно, поскольку она всецело исходит из бытия человека, которое на сегодня не имеет четких предметных границ. Для научного анализа, при всей популярности обсуждения проблемы усталости, она остается весьма трудной, что в настоящее время не позволяет в полной мере рационализировать подходы к ее рассмотрению.

Тем не менее, в самом общем виде жизненная усталость представляет собой общее психологическое состояние человека, которое характеризуется отсутствием жизненной цели, нарушением идентичности, девальвацией ценностной основы. То есть, всего того, что определяет точку опоры существования человека. Для такого состояния характерна дезорганизация бытия и неукорененность в нем человека. Пожалуй, самым трагичным в этом является разрушение духовно-нравственных и сопряженных с ними ценностно-смысловых координат, в рамках которых собственно только и возможно существование человека.

Оказавшись в «пустом» социальном пространстве, лишенный смысловых ориентиров, индивид начинает испытывать состояние заброшенности, ненужности и экзистенциальной фрустрированности. Кроме того, у человека

наступает кризис системы ожиданий, поскольку он лишен не только перспективы будущего, но и надежд на нее.

С одной стороны, нарушение традиционных транзакций с социумом, с другой – размывание внутреннего мира приводит к состоянию одиночества и пустоты, что, в конечном итоге приводит к состоянию жизненной апатии и отчуждению. При этом никакие рациональные усилия и современные оздоровительные технологии, направленные на преодоление кризисного состояния, не могут привести к желаемому результату.

Для жизненной усталости характерно опрокидывание привычного восприятия пространства мира. По сути, это тотальный кризис бытия, который приводит к целой гамме девиаций, предметный ряд которых будет пополняться. Причем, в тех проявлениях, о которых мы даже не подозреваем, но которые наверняка будут приводить к ощущению опасности.

По мнению К. Ясперса, утративший безопасность человек, сообщает облик всей эпохе, что выражается в нигилизме, беспомощности и растерянности тех, кто не смог найти выхода из создавшегося положения или не приспособился к ситуации. Поэтому такой человек живет в блужданиях и постоянном поиске. Поскольку индивид не в состоянии адаптироваться к столь быстрым социальным изменениям, и, что более существенно, не способен радикально повлиять на них, происходит разочарование в жизни и трансформация смыслового пространства. Следует особо подчеркнуть, что именно наличие или поиск смысла формирует жизненное пространство и движет человечество к будущему [6].

В своей знаковой работе «Мужество быть» П. Тиллих пишет, что человек есть человек лишь потому, что в соответствии со смыслами и ценностями обладает способностью понимать и формировать реальность, то есть свой мир и самого себя как часть этого мира. Утрата смысла априори приводит к возникновению небытия и угрозе духовной жизни человека. В свою очередь, угроза духовному бытию разрушает всю жизненную полноту существования человека [7].

Собственно, такого рода личностную и социальную девальвацию мы наблюдаем в настоящее время. Современный человек в поиске себя и своего места в мире становится качественно «другим», часто «никаким» в том смыс-

ле, что на фоне ускоряющихся жизненных процессов превращается в фантомную неуловимость, в некий промежуточный образ между одним и другим проявлением. Об этом пишет английский писатель Джон Фаулз, найдя достаточно точное по смыслу определение – «немо», состояние «никтожества», при котором человек оказывается никем. «Немо», по мнению автора, испытываемое человеком чувство собственной бесполезности и преходящести, то есть относительности существования, мимолетности и фактической ничтожности.

К. Ясперс приходит к выводу, что когда отсутствует авторство мира, и он не соответствует ничьему желанию, то с точки зрения разумности его развитие становится сомнительным и теряет всякий смысл. По-видимому, это является одной из причин возникновения у современного человека ощущения беспомощности и растерянности [6].

Трагедией человека является то, что в происходящих изменениях он не смог найти себе место и обрести удовлетворение от их результатов. Человеку стало доставать того, что придает ему ценность и достоинство как Автору собственной жизни. В конечном итоге, он перестал получать удовольствие от жизни. Отказ от жизненности и принятие небытия в разных ее проявлениях стало реальностью. Существование человека в таком мире превращается в постоянное ощущение предстоящей катастрофы, что в целях нейтрализации экзистенциальной тревоги приводит его к отказу от себя и авторства собственной жизни. С целью достижения мнимой безопасности человечество сбивается в безмолвную массу и заменяет жизненную реальность на псевдосуществование [8].

М. Н. Эпштейн пишет, что человечество вступило в цивилизацию протезов, в которой люди общаются между собой посредством приборов, подсоединенных к органам чувств. Следует заметить, что пропаганда жизненной вечности начинается уже в детском возрасте, стоит только посмотреть современные мультфильмы или компьютерные игры, иллюстрируемые визуальными и смысловыми артефактами. Или современную систему образования, когда ученику вместо поиска решения, то есть оперирования разумом, в целях поиска истины предлагается использовать принцип нажатия кнопки, вырабатывая, тем самым, инструментальный условный рефлекс.

Такого рода ментальный и духовный слом человечества приводит к возникновению глубокой психологической травмы, последствия которой для социума весьма печальны. Вместе с тем, вне всякого сомнения, человечество хочет избежать, вставшей перед ним опасности самодеструкции, хотя постоянно находит бесчисленные аргументы для того, что бы оправдать свое сегодняшнее положение.

В этом отношении особого внимания заслуживает такой феномен, как жизнеспособность. По нашим представлениям жизнеспособность позволяет сохранять и утверждать собственное существование. Процесс жизнеспособности определяется раскрытием внутреннего потенциала, который позволяет человеку создавать, конструировать мир и самого себя. Это предполагает, что если человек хочет оставаться самим собой, он должен осознавать себя, создавать себя и быть ответственным в принятии решений.

Человек, являясь Автором собственного жизненного пути, способен осуществить реальные трансгрессии, направленные на отстаивание реального «Я» и создание новой жизненной реальности. При этом в конструировании жизненного пространства такой человек опирается на внутренний потенциал, который выступает в качестве реальной возможности самоутверждения. Для человека-автора социальный вызов является источником роста, так как его преодоление способствует переходу в более высокое и совершенное с точки зрения личностной самоорганизации состояние.

Таким образом, в своей перспективе ситуация цивилизационных изменений далеко не безнадежна и катастрофична как может представиться на первый взгляд. Способность человечества находить точки внутренней опоры вселяет надежду на то, что и на этот раз человечество выйдет из исторического тупика. П. Тиллих утверждает, что человек есть человек лишь потому, что обладает способностью понимать и формировать реальность – свой мир и самого себя, соотносясь со смыслами и ценностями. То есть, человек несет полную ответственность за свое бытие, предполагающее ответ на вопрос, – что он из себя сделал [7].

В качестве субъективного индикатора жизнеспособности индивида в наших исследованиях выступает субъективное благополучие. Субъективное благополучие – это переживание человеком удовлетворенности собст-

венной жизнью, отражающее актуальные и потенциальные аспекты его бытия. По сути, психологическое благополучие – интегральный показатель направленности человека на позитивное функционирование, а также степени реализованности этой направленности, субъективно выражающейся в ощущении удовлетворенности собственной жизнью. При этом следует понимать, что стремление к счастью не является самоцелью, а переживание, которое сопутствует возрастанию собственной силы (по Э. Фромму), самоутверждению, мужеству быть и преодолению небытия (П. Тиллиху), воли к власти (по Ф. Ницше), ощущение потока (по М. Чиксентмихайи).

Исходя из актуальности феномена жизненной усталости, мы сделали попытку экспериментальной проверки ряда научных положений относительно поиска стратегий разрешения данной проблемы. В частности, мы предположили, что деструктивные личностные проявления во многом связаны с жизненными стратегиями, которым следуют респонденты. При этом мы акцентировались на высших личностных проявлениях, к которым были отнесены смысловые структуры, способность прогнозировать жизненный путь, получать удовлетворение от проживания в настоящем. В качестве психологического маркера жизнеспособности и сопряженной с нею психологической устойчивостью выступала способность оценивать свое доминирующее психическое состояние.

Для проведения исследования нами было отобрано три группы молодых людей в возраст от 25 до 35 лет. Первая из экспериментальной группы состояла из респондентов с ограниченными возможностями в состоянии здоровья (инвалиды с нарушением функций опорно-двигательного аппарата).

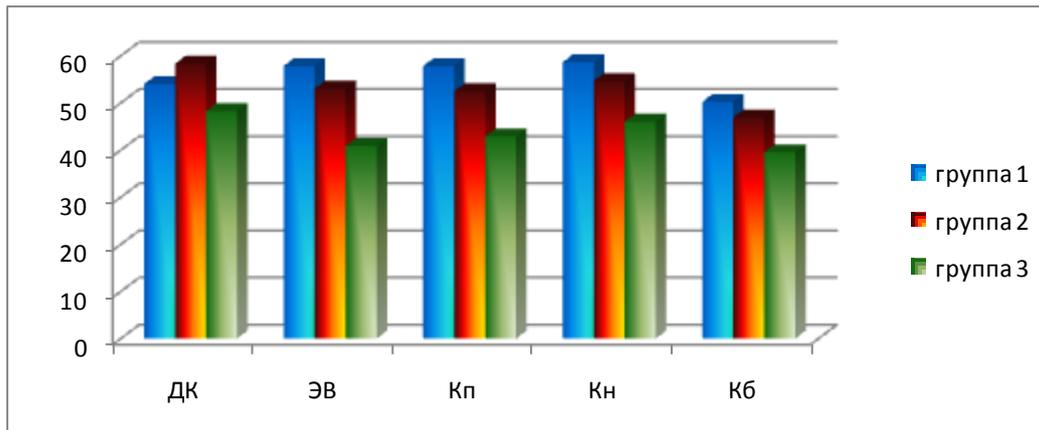
Во вторую группу, назовем ее «группой риска», вошли люди, склонные к алкогольным злоупотреблениям и приему наркотиков. Более того, эта категория испытуемых не имела постоянной работы и семьи, то есть была социально дезадаптирована.

Третья группа респондентов была представлена респондентами, не имеющими социальных и личностных деформаций. Ее представители имели семьи, постоянную работу, многие вели активную социальную жизнь, имели разного рода увлечения. В нашем случае, данная группа была обозначена как «эталонная группа».

Исследуя духовный кризис, который понимается как состояние переживания утраты смысловой основы существования, то есть снижение значимости жизни, мы получили достаточно интересные результаты (рис. 1).

С одной стороны, как мы видим на диаграмме, показатели духовного кризиса наиболее высокие у группы испытуемых, склонных к деструктивному поведению. Дело в том, что духовный кризис возникает как эмоциональ-

ная реакция на нарушение процесса поиска чего-то значимого и сакрального в жизни человека. К сожалению, пагубная зависимость, как правило, девальвирует жизненные установки, искажает и полностью переформатирует жизненное пространство индивида. Итогом наркотической и алкогольной зависимости является создание иной жизненной реальности, со своими законами псевдосуществования и искаженным мировосприятием.

Примечание: духовный кризис (ДК), экзистенциальный вакуум (ЭВ), кризис прошлое (Кп), кризис настоящее (Кн), кризис будущее (Кб)

Рис. 1. Показатели духовного кризиса

Но, в тоже время, по остальным критериям, наиболее острым духовным состоянием можно назвать положение у испытуемых первой группы (лица с ограничениями в состоянии здоровья). Мы полагаем, что высокий показатель экзистенциального вакуума связан с крушением жизненных надежд, существовавших до трагического случая. При всех стремлениях эффективно встроить себя во внешнюю среду, данный контингент в силу своего физического состояния все же ограничен в социальных контактах, способах жизнеосуществления, что не дает им полной возможности саморазвития.

Высокие показатели по шкалам «Кризис прошлого», «Кризис настоящего» и «Кризис будущего» свидетельствуют о нарушении временной перспективы у испытуемых, имеющих ограничения в состоянии здоровья. Дело в том, что в современном обществе, при всей декларативности, в полной мере не созданы условия для эффективной жизнедеятельности инвалидов. Зачастую, они депривированы в физическом и социальном планах и остаются наедине со своими проблемами и

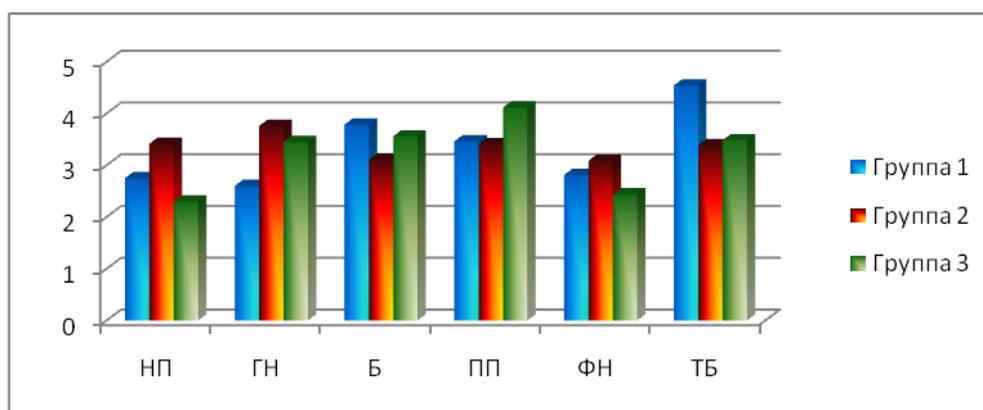
потребностями. Высокие показатели, фиксируемые в данной группе (превышение 50 % порога) по всем шкалам диагностической методики, дают основание говорить о наличии духовного напряжения респондентов данной группы, внутреннем беспокойстве и экзистенциальной неудовлетворенности.

Что касается третьей, «эталонной» группы, то показатели исследуемых шкал были на порядок ниже предыдущих двух групп. Это свидетельствует о более благоприятном состоянии духовной сферы респондентов.

Другим аспектом экспериментального рассмотрения нашей проблемы был анализ системы смыслов испытуемых. С этой целью мы провели исследование временной перспективы, которую К. Левин определил как «целостность видения человеком своего психологического будущего и психологического прошлого в данное время». Временная перспектива может быть рассмотрена как выражение собственной системы смыслов человека. Она предполагает пять основных измерений временной перспективы: позитивное и негативное прошлое, будущее, фаталистиче-

ское и гедонистическое настоящее. Фактор «позитивное прошлое» отражает сентиментальное, ностальгическое, теплое и радужное отношение к своему прошлому и характеризуется позитивной реконструкцией прошлого. Негативная установка к прошлому чаще всего является результатом реальных травматических и неприятных событий, или негативной реконструкции событий прошлого, предполагает боль и сожаление. Гедонистическое настоящее отражает ориентацию на

получение удовольствия в настоящем, отсутствие заботы о последствиях и будущих выгодах, наградах. Фаталистическое настоящее отражает беспомощность и безнадежность, твердое убеждение, что будущее предопределено, а настоящее должно переноситься с покорностью. Ориентация на будущее определяет стремление к целям и вознаграждениям будущего, характеризуется планированием, то есть выстраиванием перспективы.

Примечание: прошлое негативное (НП), настоящее гедонистическое (ГН), будущее (Б), прошлое позитивное (ПП), настоящее фаталистическое (ФН), трансцендентное будущее (ТБ)

Рис. 2. Показатели временной перспективы

На диаграмме (рис. 2.) мы видим ярко выраженное негативное отношение к своему прошлому у второй группы. Дополняя анализ данными, не вошедшими в статью, следует сказать, что высокие баллы по этой шкале коррелируют с депрессией, высоким уровнем тревожности, низкой самооценкой и показателем агрессии. Последнее может быть связано с фрустрирующими ситуациями, часто возникающими в среде зависимых индивидов.

Высокие баллы по шкале «Настоящее гедонистическое» во второй группе отражают рискованное, «бесшабашное» отношение к жизни, ориентацию на сиюминутное получение удовольствие и неспособность принести какую-либо жертву в настоящем, чтобы получить вознаграждение в будущем. Высокие показатели по шкале «Фаталистическое настоящее» в этой же группе демонстрируют беспомощное и безнадежное отношение к будущему и к жизни в целом. Эти люди убеждены в том, что будущее предопределено и не зависит от их действий. Это подтверждает то, о чем мы говорили ранее. Можно предположить, что у лиц с асоциальным поведением произошли нарушения на уровне смысловых

структур, что ограничивает их способность определять и выстраивать свою жизненную стратегию.

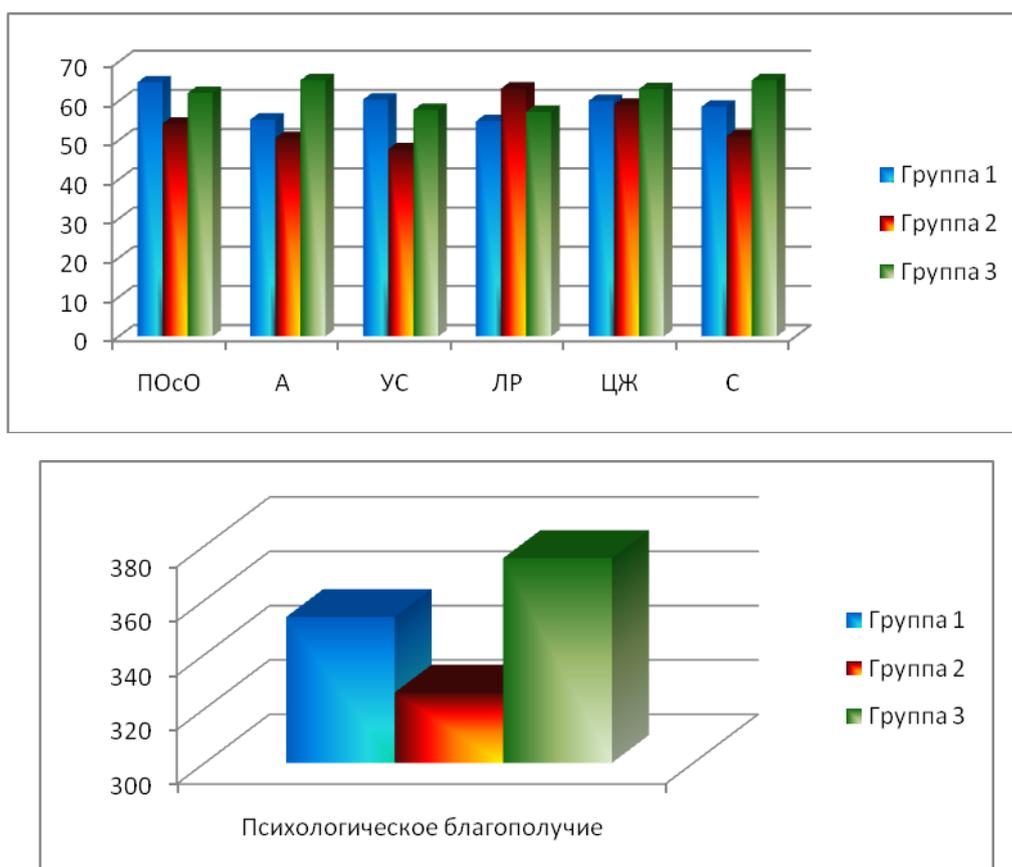
Наиболее благоприятные результаты мы наблюдаем у испытуемых с ограниченным состоянием здоровья. Они в большей степени, чем другие, ориентированы на будущее. Поведение этих людей определяется мотивацией на достижение перспективных целей и вознаграждений. Вполне вероятно, причина высоких показателей кроется в сформированном жизненными трудностями совладающем поведении, надеждой на собственные внутренние ресурсы и ориентацией на субъектную активность.

Дополнительные исследования показали, что у респондентов данной группы более развита система ценностей, в которой выстроены четкие целевые установки. В этой группе обращают на себя внимание высокие показатели по шкале «Трансцендентности», что говорит о высокой степени религиозности респондентов. Вера, по всей видимости, помогает им справляться с трудностями, дает возможность видеть смысл своей жизни и свое предназначение, то есть выполняет функцию жизненно-го аттрактора.

Позитивное отношение к своему прошлому, вполне комфортное существование в настоящем дает возможность испытуемым третьей группы гармонично выстроить временную перспективу в целом. Дополнением благоприятного психологического существования респондентов данной группы служат высокие показатели по шкале «Будущее», что позволяет утверждать об их стремлении к достижению цели и наличии смысло-жизненных ориентиров. Высокие показатели по шка-

ле трансцендентности подтверждают сказанное, поскольку устремленность в ожидаемое будущее, по нашему мнению, вполне соотносится с «выходом за пределы себя».

Эффективность временной перспективы человека во многом определяется субъективным ощущением психологического благополучия. Мы полагаем, что психологическое благополучие является своего рода маркером, придающим эмоциональную окраску жизненному пространству индивида (рис. 3).

Примечание: позитивное отношение с окружающими (ПОсО), автономия (А), управление средой (УС), личностный рост (ЛР), цели в жизни (ЦЖ), самопринятие (С), суммарный показатель психологического благополучия (ПБ)

Рис. 4. Показатели психологического благополучия

Из представленной диаграммы (рис. 3.) видно, что в целом самые низкие показатели психологического благополучия наблюдаются у представителей второй группы испытуемых. Низкие баллы по шкале «Позитивные отношения с окружающими» говорят об отсутствии достаточного количества близких, доверительных отношений, трудностях в проявлении теплоты, открытости и заботы о других людях, переживании собственной изолированности; нежелание идти на ком-

промиссы для поддержания значимых связей с окружающими. Наиболее высокие баллы по этой шкале наблюдаются у первой группы – людей с ограниченными физическими возможностями. У них ярко выражено наличие близких, приятных, доверительных отношений с окружающими с желание проявлять заботу о других людях, способность к эмпатии, любви и близости. Можно предположить, что именно такого отношения они ждут от окружающих.

Такие же высокие показатели в этой группе наблюдаются по шкале «Управление средой». Управление средой характеризует способность индивида эффективно использовать различные жизненные обстоятельства. Другими словами, это встроенность в жизнь, что свидетельствует о способности самому выбирать и создавать условия, удовлетворяющие личностным потребностям и ценностям. Самый низкий показатель мы наблюдаем во второй группе, что свидетельствует о шаблонности жизненного сценария и неспособности преодоления алкогольной или наркотической зависимости. Можно предположить, что в этой группе испытуемых произошло нарушение волевых процессов и деформация личностных качеств, отвечающих за планирование жизни и преодоление трудностей.

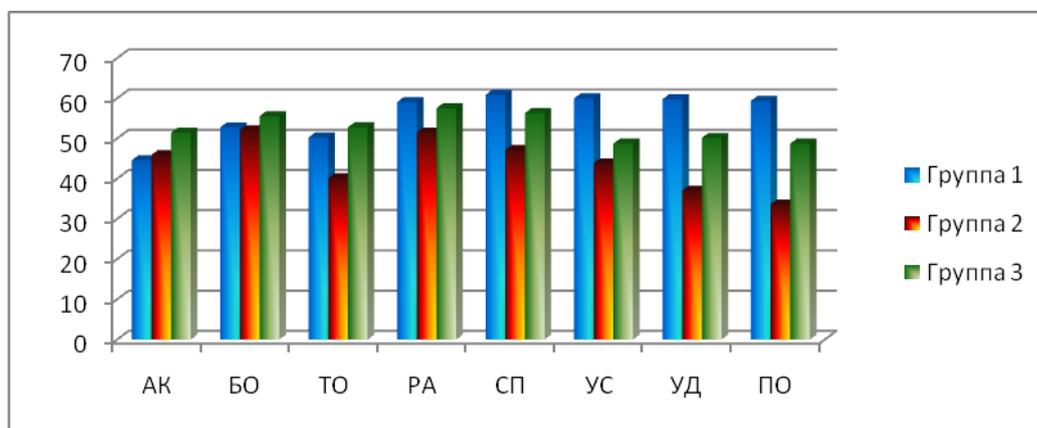
Такие показатели, как автономия, цели в жизни и самопринятие, так же наименее выражены у испытуемых второй группы, что говорит об их неспособности противостоять общественному влиянию, отсутствию цели в жизни и об отсутствии чувства ее осмысленности. Данный контингент зачастую недоволен самим собой, но не желает (а возможно, не способен) на реабилитацию.

Диаметрально противоположную картину мы наблюдаем в третьей группе испытуемых,

что свидетельствует о сформированности цели, структурированности и осмысленности жизненного пути, адекватности самооценки ее представителей.

Интересны данные по шкале «Личностный рост», показатели которой явно преобладают у испытуемых второй группы. Мы полагаем, что вследствие личностной деформации, это может говорить об искаженном самовосприятии, а также о сформированной защитной стратегии, при которой желаемое часто выдается за действительное. Последнее замечание, как правило, свидетельствует о наличии невротических проявлений. В первой и третьей группе показатели отличаются друг от друга незначительно, что говорит об адекватности стремления к самореализации и реалистичности поставленных целей.

Показатели приведенной диаграммы (рис. 4) дают представление о доминирующем психическом состоянии как о наиболее динамичной и «живой» компоненте личности респондентов. Анализу были подвержены те показатели, которые, по нашему мнению, в большей степени характеризуют реакции личности на внешнее социальное воздействие и внутренние субъективные переживания.

Примечание: активное – пассивное отношение к жизненной ситуации (Ак), бодрость – уныние (Бо), тонус высокий – низкий (То), раскованность – напряженность (Ра), спокойствие – тревога (Сп), устойчивость – неустойчивость эмоционального тона (Ус), удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом (ее ходом, процессом самореализации) (Уд), положительный – отрицательный образ самого себя (По)

Рис. 4. Показатели доминирующего состояния

Шкала «Активное – пассивное отношение к жизненной ситуации» свидетельствует о реакции на текущие обстоятельства социальной среды, а также события, которые предшествовали данному жизненному периоду лич-

ности. Следует обратить внимание, что ни в одной группе не отмечены высокие оценки (более 60 Т-баллов), свидетельствующие о готовности к преодолению препятствий, веры в свои возможности и стремление к достиже-

нию целей, равно как отсутствуют низкие показатели, характеризующие пассивное отношение к жизни и неверие в возможность преодоления жизненных препятствий. При этом, по абсолютным показателям, представители третьей группы находятся значительно выше двух других групп, что сопряжено с их активной жизненной позицией.

Показатели тонуса позволяют выявить энергические характеристики, что является важнейшим измерением любого психического состояния индивида, в первую очередь при затяжном стрессе. Высокие показатели, наблюдаемые в третьей группе, характеризуют ее высокую активность, субъективные ощущения внутренней готовности к работе. Низкие оценки, характерные для второй группы, позволяют высказать предположение об их усталости, инертности, низкой работоспособности. Что более существенно, в контексте нашего анализа, так это то, что у представителей данной группы низкий жизненный ресурс, не позволяющий преодолевать возникающие трудности. Вторая группа, не смотря на определенные ограничения в состоянии здоровья, по своим показателям близка к третьей группе, что свидетельствует о ее активности и готовности к преодолению препятствий.

Показатели шкалы «Спокойствие – тревога» свидетельствуют о генерализированной тревоге, оказывающей негативное влияние на сознание с длительными, не затухающими эмоциональными переживаниями. Высокие показатели в первой группе (респонденты с ОВЗ) свидетельствуют об уверенности в своих силах и возможностях. Можно предположить, что представители этой группы в силу негативных жизненных обстоятельств смогли переломить ситуацию и обрели психологическую устойчивость и сформировать эффективную жизненную стратегию. Низкие оценки, которые мы наблюдаем во второй группе (респонденты с социальными девиациями) свидетельствуют об испытываемом беспокойстве в самом широком круге жизненных ситуаций. Более того, они склонны ожидать события с неблагоприятным исходом, предчувствуют будущую угрозу без ясного осознания ее источников.

По шкале «Устойчивость – неустойчивость эмоционального тона» мы наблюдаем расположение показателей, как и в предыдущем моменте. Высокие оценки в первой группе говорят о преобладании ровного положи-

тельного эмоционального тона, спокойном протекании эмоциональных процессов, что позволяет сохранять адекватность и эффективность саморегуляции в поведении и деятельности. Низкие оценки во второй группе свидетельствуют о снижении эмоциональной устойчивости, с вероятностью быстрого возникновения эмоционального возбуждения, раздражительности. Как правило, при таких показателях у индивида преобладает негативный эмоциональный тон.

«Удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом (ее ходом, процессом самореализации)» дает нам основание судить о переживании полноты жизни. Что в целом говорит о психологической устойчивости личности. Высокие оценки, характерные для первой группы свидетельствуют об удовлетворенности жизнью в целом, тем, как идет жизнь. Человек ощущает способность брать на себя ответственность и возможность делать свой выбор; в нем присутствует собственное «Я». Субъект чувствует готовность к преодолению трудности в реализации своих жизненных планов. Жизненный кризис, который пережили респонденты данной группы, дал им возможность переосмыслить произошедшую с ними трагедию и эффективно выстроить дальнейшую жизнь.

Низкие показатели во второй группе дают основание утверждать о неудовлетворенности жизнью ее представителей в целом, тем, как именно в настоящее время разворачиваются основные жизненные события. Кроме того, можно говорить о низкой оценке личностной успешности испытуемых данной группы. Для них характерно уклонение от необходимости делать жизненный выбор, принимая на себя ответственность за то, что с тобой происходит. В конечном итоге, это может привести к ощущению опустошенности и возникновению невротических и депрессивных расстройств.

Показатели шкалы «Положительный – отрицательный образ самого себя» характеризуют критичность самооценивания, что тесно связано с принятием личностью себя. Чем полнее принятие себя и чем больше в эмоциональном отношении к себе положительных чувств, тем выше настроение. Показатели первой и третьей групп находятся в диапазоне 40-59, что характеризует степень принятия личностью себя. При этом, чем выше стандартный балл в этом диапазоне, тем ниже критичность самооценивания и больше при-

нятие себя со всеми своими недостатками. Следует обратить внимание, что испытуемые первой группы, находясь на границе, приближающей их к низкой критичности в самооценке. Это обстоятельство может говорить о выработанной защитной стратегии, дающей респондентам возможность эффективно выстроить собственное жизненное пространство, невзирая на их физические ограничения.

В целом, при показателях менее 50 баллов есть основания говорить о выраженном стремлении к адекватности в оценке своих психологических особенностей и своего состояния, о критичности в самооценивании, даже порой нарочито показном, как во второй группе.

В качестве заключения, хотелось бы акцентироваться на нескольких моментах.

Во-первых, мы склонны утверждать о появлении на исторической авансцене «нового зла века», нового невроза, а именно, жизненной усталости, в основе которой лежит глубинная психологическая травма.

Во-вторых, жизненная усталость, как всеобщее деструктивное проявление приводит к искажению существующей реальности бытия и замене ее на псевдореальностью. Псевдореальность начинает существовать по иным, часто искаженным законам, что приводит к формированию симулятивного жизненного пространства.

В-третьих, социальные изменения оказывают активное влияние на формирование современной личности, спутником которой становится отчуждение от себя, одиночество, разрушение внутреннего мира и реального «Я», замена реального «Я» идеализированным невротическим состоянием.

В-четвертых, выход из состояния жизненной усталости может состояться при условии обретения человеком идентичности, самоутверждения, стремления к себе и защиты подлинного и актуального «Я». То есть речь идет о тех высших личностных оснований, которые дают человеку основание для мужества быть.

Литература

1. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990
2. Фромм Э. Здоровое общество. М., 2011.
3. Франкл В. Психотерапия и экзистенциализм. М., 2015.
4. Уваров Е. А. Психология «плоского человека»: миф или реальность современности // Практическая психология: от фундаментальных исследований до инноваций. Тамбов, 2011. С. 81-96.
5. Уваров Е. А. Психология изменяющегося человека. Тамбов, 2013.
6. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 288-418.
7. Тиллих П. Мужество быть // Тиллих П. Избранное. М., 1995. С. 7-131.
8. Хорни К. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Наши внутренние конфликты; Невроз и развитие личности. М., 1997.

References

1. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Man's search for meaning]. M., 1990.
2. Fromm E. Zdorovoye obshchestvo [Healthy society]. M., 2011.
3. Frankl V. Psikhoterapiya i ekzistentsializm [Psychotherapy and existentialism]. M., 2015.
4. Uvarov E. A. Psikhologiya «ploskogo cheloveka»: mif ili real'nost' sovremennosti [Psychology of «the flat person»: myth or reality of the present] // Prakticheskaya psikhologiya: ot fundamental'nykh issledovaniy do innovatsij. Tambov, 2011. S. 81-96.
5. Uvarov E. A. Psikhologiya izmenyayushchegosya cheloveka [Psychology of the changing person]. Tambov, 2013.
6. Yaspers K. Dukhovnaya situatsiya vremeni [Spiritual situation of time] // Yaspers K. Smysl i naznachenije istorii. M., 1991. S. 288-418.
7. Tillikh P. Muzhestvo byt' [The courage to be] // Tillikh P. Izbrannoye. M., 1995. S. 7-131.
8. Khorni K. Sobraniye sochinenij: v 3 t. T. 3. Nashi vnutrenniye konflikty; Nevroz i razvitiye lichnosti [Collected works: in 3 vol. Vol. 3. Our internal conflicts; Neurosis and development of the personality]. M., 1997.

* * *

**THE NEW PERSONALITY IN THE CONTEXT OF EXPANSION
OF MODERN VITAL REALITY**

Uvarov Evgeny Alekseevich
Tambov State University named after G. R. Derzhavin,
Russia, Tambov, e-mail: uvarovea@yandex.ru

In the context of expansion of modern vital reality on a historical proscenium the author proved emergence of «the new personality» of which lack of the vital purpose, identity violation, devaluation of a valuable basis is characteristic. That is, all that is inherent in disorganization of life and not rootedness of the person in it. In the article the author gave experimental data of scientific provisions on search of strategy of permission of vital crisis of the personality, assumed that destructive personal manifestations are in many respects connected with strategy to which respondents follow in life. At the same time the author focused attention on the highest personal manifestations which are semantic structures, ability to predict a course of life, to have satisfaction from accommodation in the present and forming of prospect of the future. Ability to estimate the dominating mental condition acted as a psychological marker of viability and the psychological stability of the individual interfaced to it.

Key words: vital fatigue, neurosis of modern times, alienation from themselves, loneliness, appeal to themselves, courage to be, self-affirmation, real «I», flat person

Об авторе:

Уваров Евгений Алексеевич, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой социально-педагогического образования Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

About the author:

Uvarov Evgeny Alekseevich, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Social Pedagogical Education Department, Tambov State University named after G. R. Derzhavin